

Павел Кадочников:

А завтра была война...

Так уж получилось, что в войну народный артист СССР Павел Петрович Кадочников вступил с картиной совсем вроде бы невоенной — напротив, очень мирной, смешной и жизнерадостной музыкальной комедией «Антон Иванович сердится», в которой он сыграл роль милого и застенчивого композитора Мухина. Это уже потом, в первые послевоенные годы, пришли к нам с экрана и навсегда остались с нами его сильные, мужественные герои — майор Федотов из «Подвига разведчика» и Алексей Мересьев из «Повести о настоящем человеке». Образы, в которых воочию проявились суть русского, советского характера, героев, защитивших Родину в годину суровых испытаний. Чтобы так сыграть их, как сыграл Кадочников, мало было быть актером, даже хорошим. Нужно было знать их не только по сценарию, увидеть не только по режиссерскому замыслу, а быть лично знакомым — неоднократно встречаться и говорить — со многими и многими реальными прототипами героев — советскими людьми, солдатами второй мировой. Нужно было самому не просто знать о войне, а пережить и прочувствовать ее вместе со всем народом...

самолет пролетел над моей подводой и дал очередь из пулемета. Убил дочь, единственную!.. Убили мою лошадь. Вы понимаете? Они стреляли по беженцам. Они убивают, разрушают, сжигают все на своем пути. Изверги!.. И сейчас, на старости лет, еду. Неизвестно куда...

Вот такие короткие встречи на такой долгой войне. А сколько их было за эти годы... И как помогли они мне потом в работе. В «Подвиге разведчика» мы снимали эпизод пленения майором Федотовым фашистского генерала Кюна, которого великолепно сыграл сам режиссер-постановщик фильма Борис Васильевич Барнет. А у меня что-то не получалось. Может быть, трудно было поначалу «увидеть» в добрейшем Борисе Васильевиче самодовольного фашистского выродка. На помощь пришла память о недавнем прошлом. Разрушенные города и деревни, сожженные поля. Среди тысяч беженцев — седые старухи, старики, женщины, прижимающие к сердцу грудных детей. Кровавые волны Волги после очередного налета фашистских «стервятников» на баржи с мирными людьми. В блокадном Ленинграде, в доме на Петроградской стороне, над умершим от голода и холода отцом низко склонилась в слезах — еле живая! — моя мама...

Когда все это вновь ожило в моей памяти, тогда я увидел перед собой лицо одного из непосредственных виновников всего этого, и слова Федотова: «Сделаю, генерал! Вам трудно в это поверить так же, как понять, почему советские люди, даже дети, которых вы ведете на виселицу, плюют вам в лицо и умирают со словами «Да здравствует Родина!» Вы никогда не сможете этого понять, генерал, а потому пойдете со мной, генерал. Встать! Встать!..» — вырвались из моего сердца...

Но вот такая парадоксальная вещь. Война войной, а как велика была тяга людей к песням, музыке, шуткам. Пожалуй, даже больше, чем в мирное время. Я в этом убедился, когда ездил с фронтовыми бригадами. Озорные, ядреные частушки, которые я исполнял под балалайку или гусли — они мои старинные подружки, — всегда вызывали аплодисменты и крики «еще!» у бойцов на передовой. А каким успехом совершенно неожиданно для нас пользовалась тогда комедия «Антон Иванович сердится»! Вспоминаю одну встречу. Добирался я из Алма-Аты в Новосибирск, куда был эвакуирован наш театр. Застрел на маленькой станции. Зима. Холод. А я в сандалиях, настроение, сами понимаете, какое. Вдруг подходят трое военных. Встали по стойке «мирно», представились, как положено, затем: «Разрешите обратиться, товарищ Кадочников?». Разговорились, они, узнав о моей беде, помогли достать билет. Особенно запомнился мне один из них, старший лейтенант Коля, которого его друзья называли «старик». Так вот, в разговоре я начал «плакаться» они, мол, на фронт едут, а я — в тыл, и вообще кому нужно сейчас искусство, и так далее. Тут Коля мне и «врезал»: «Да как вам не стыдно, вы же умный человек. Да мы вашего «Антон Ивановича» у себя на фронте столько раз смотрели. Это самая военная картина, если хотите знать: ведь в ней наша мирная жизнь показана, музыка, любовь, ради которых мы и воюем». На том и расстались, адресами на прощание обменявшись. Так потом Николай, когда проездом в Новосибирске был, заходил ко мне, ночевал, а мы с женой всю ночь не спали, слушая, как он метался во сне и кричал: «Вперед! В атаку!»

Чем-то он очень походил на другого русского солдата — Героя Советского Союза Маресьева, с которым я встретился уже после войны. Во время съемок «Повести о настоящем человеке» меня привезли в дом отдыха Академии наук, чтобы познакомиться с Алексеем Петровичем. Поначалу разговор долго не клеился. И я молчал, и он. Думаю, что он волновался больше моего, потому что, как я убедился впоследствии, человек он был поразительной скромности. А все мои вопросы так или иначе касались его инвалидности. Потом он неожиданно спросил: «Вам, наверное, интересно узнать, как мне удалось убедить медицинскую комиссию, что я могу летать?» Он быстро встал, пододвинул к себе стул и легко вспрыгнул на него. И тут у меня произвольно вырвалось: «А ну-ка покажите протезы!» Он рассмеялся: «Вот и члены комиссии точно так же потребовали». И беседа пошла. Мы говорили с ним долго, обо всем и как-то сразу подружились. А потом, когда фильм был закончен, мы показывали его Маресьеву. Он смотрел, а я волновался, так как мне казалось, особых эмоций во время просмотра он не проявляет. Пленка кончилась, раздался стук протезов, когда он встал и сказал одно слово: «Мощно» И это была для меня самая важная оценка.

И знаете, что я вынес из всех встреч на войне? В чем убежден и по сей день? То, что потом и пытался выявить и подчеркнуть в своих героях — таких разных и таких непохожих друг на друга? Это их доброта. Да, да, они — добрые люди, добрые, несмотря на войну, на кровь и смерть, несмотря на то, что убивают врагов Это мужественная доброта людей, защищающих мир от зла Это, если так можно выразиться, очень русская доброта, исконная черта, присущая русскому национальному характеру. Наверное, именно поэтому эти герои — сузу об этом по письмам зрителей, которые до сих пор приходят ко мне после повторной демонстрации этих картин по телевидению. — и сегодня не устареют, не поблекли от времени. Они и сегодня по-прежнему живут и борются вместе с нами.

— Война для меня началась так же, как и для всех. Неожиданно, солнечным летним днем. Накануне были съемки (заканчивали «Антон Ивановича»), потом спектакль в ТЮЗе (играли «Сказки Пушкина») — вернулся с женой домой поздно. Утром решили позавтракать в летнем саду. Солнце. Тепло. Впереди — выходной. А настроение вдруг какое-то мрачное, хуже не придумаешь. И лица у прохожих какие-то невеселые, и даже трамваи как-то не так громяхают. Вот тогда я впервые ощутил, что такое атмосфера войны (оказалось, первое сообщение по радио мы просто-напросто проспали). Тут еще раз объявляют о начале войны. Я бегом на студию. В одном из павильонов увидел рыдающую Людмилу Целиковскую, а рядом с ней Александра Викторовича Иванковского — постановщика «Антон Ивановича», старейшего режиссера «Ленфильма». На всю жизнь запомнил и до сих пор поражаюсь пророческой мудрости его слов, которые он тогда произнес, успокаивая актрису: «Эта война будет очень долгой и страшной. И не на жизнь, а на смерть. Мы будем воевать с одной из самых сильных армий мира. И поверьте мне, душа моя, мы победим. Обязательно победим».

И, скажу честно, война тогда не пугала ни меня, ни моих товарищей. Мы абсолютно не ощущали страха. Наоборот, нас охватил какой-то общий порыв, грандиозный подъем сил. Нам хотелось скорее попасть на фронт, чтобы бить врага и, конечно же, малой кровью, и на его территории. Но было бы самообманом называть это осознанным мужеством. Мы просто по-мальчишески (а сколько нам было-то — по двадцать с небольшим) мечтали о ратных подвигах. Мы были тогда еще слишком легкомысленны и неосведомлены, чтобы понять размах и значение этой трагедии, постигшей наш народ. В первые же дни подали заявление в народное ополчение, но райком комсомола отказал, ибо студия откомандировала нас, как сказал директор, для выполнения особо важного задания.

Вот как оно было сформулировано в сопроводительном письме: «Дирекция ленинградской студии «Ленфильм» и партийный комитет просят оказывать всяческое содействие артистам Ю. Н. Краверту и П. П. Кадочникову в получении билетов в г. Сталинград для участия в съемках фильма оборонного значения...» Фильм этот назывался «Оборона Царицына», снимали его творцы бессмертного «Чапаева» — кинорежиссеры Васильевы, которые и пригласили меня на маленькую роль Николая Руднева — начальника штаба воршиловских войск.

Сейчас из Ленинграда в Волгоград можно добраться за несколько часов самолетом. А тогда, в августе 41-го, мы добирались шестнадцать суток. И поездом, и на пароходе. Вот где я понял, что такое война, почувствовал, что несет она всем нам. И ощутил в полной мере несгибаемость, непобедимость и мощь нашего народа.

...На полустанке в поисках воды заходим в обычную русскую избенку. Семья — семь человек. Старшему — четырнадцать. Матери — лет сорок, но выглядит она уже старушкой: поблекшие глаза, потемневшее морщинистое лицо. Она режет хлеб тонкими ломтиками и раздает детям. Они уплетают его за милую душу. Мать ласково смотрит на них и думает вслух: «Все бы еще хорошо. Ничто! Только скорее бы война кончилась, да мужик бы наш вернулся».

Ко многому привыкает человек на войне. Привык и я к тревожным, надрывным гудкам паровоза, к толчкам и грохоту теплушек. Но не мог — да и невозможно! — привыкнуть к плачу голодных детей...

...От Ярославля колесный пароход тащит четыре баржи. битком набитые людьми. Женщины! Какое страшное слово... На одной из них старик. Ему семьдесят пять лет. Он бежит от смерти из-под Львова. Бросил все.

— Я, товарищи, — говорит он, — работал пятьдесят лет. И что же я сейчас имею по вине этого Гитлера?

Он распахивает поношенный, неопределенного цвета плащ и показывает голое, худое тело.

— Я выехал первым, — продолжает он. — На дороге не было ни одной подводой. Так их